

Владимир Шапко

Подсадная утка

Повесть

12+

Владимир Шапко

Подсадная утка

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Шапко В. М.

Подсадная утка / В. М. Шапко — «ЛитРес: Самиздат», 2018

Повесть насыщена приключениями тринадцатилетнего Пашки Колмыкова, рыбака, охотника и уличного мальчишки.

© Шапко В. М., 2018
© ЛитРес: Самиздат, 2018

Содержание

Главы	5
1	5
2	8
3	11
4	13
5	15
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Главы

1

Волчьими, душными свадьбами скатился, отвьюжил февраль 49-го, четвёртого послевоенного года, и маленький приалтайский городок затаённо проступал из льдистого мартовского снега. На белесом, заспанном небе солнце ещё квёлое, неумытое, но уже к обеду сосулистые бороды домов, колко отблескивая, плакали неудержимо-радостной слезой. Розовато-прозрачная, тёплая синь держала городок. Однако день уходил, солнце зябко съживалось, куталось в розовый платок и вместе с самой последней чудо-капелькой-капелькой, ожемчуженной, неподвижной, повисало в вечере.

В один такой погожий день Пашка, как обычно погоняв голубей, кормил их во дворе. Он бросал корм на серый лист фанеры, валяющийся у крыльца, и встопорченные голуби грудилась в кучу. Казалось, зерно кипит, пляшет на фанере, само прыгает в жадные клювы.

– Па-ашка! – послышался голос Гребнёва из соседнего двора.

Пашка удивился, с чего бы это? – но, положив наволочку с кормом на крыльцо, побежал по хрупким лужам и перекинулся через штакетник. Подошёл. Поздоровался.

Гребнёв смахнул с чурбана расколотое полешко, кинул-воткнул топор и полез за папиросами. Вокруг чурбана и козел натаявшие со всей зимы жёлто-мокрые опилки, щепки, тут же поколотые дрова кучкой, двор по-весеннему обнажившийся, набухающий, местами погружённый в талую, прозрачно-живительную воду.

– Ну что, Паша, скоро н-на охоту п-пойдем? – Гребнёв заикался, но это было привычно.

– Да какой же вы охотник, дядя Гребнёв? – искренне удивился Пашка. – Я ни разу и не видел вас за Иртышом... Да и ружьё ведь надо!

– Есть, есть ружьё. Во р-ружьё! – Гребнёв изогнул большой палец рогом.

– Ну-у! Так тащите скорей! Посмотрим!

– А чего та-ащить? Айда в дом!

Гребнёвы года три уж как соседи Пашки, но Пашка ни разу не был у них в доме. Не пришлось как-то. А теперь вот вроде бы и неудобно. Сразу. Без подготовки...

– Пошли, пошли! – похлопал его по плечу Гребнёв. – Мы люди п-простые.

Года три назад, когда пасмурным осенним днем Гребнёв с матерью и всем её барахлом въезжал на телеге в этот двор – все ребятишки соседнего коммунального дома сбежались и налили на штакетник.

Откуда-то сразу стало известно, что дом этот с расхристанной над крышей скворечней – будто прямо с прежней хозяйкой ягой Лещихой на шесту – новый сосед купил за двадцать тысяч. Двадцать тыщ! Это ж подумать только! – обалдело мотали головами сопливые зрители. Их матери, зло выбивая половики, определённой были: жулик! Экспедитором на хлебозаводе работает – ясное дело!

Но больше всего ребят поразила какая-то дико-карикатурная некрасивость нового жилища, его маленькая птичья головка с почти перпендикулярными ушками и тонко взпоротый, как кошелек, рот; светлый «боксик» жиденько свисал на бегающие глазки. А когда он распахнул рот свой и что-то быстро заговорил матери – ребятишки отпрянули от штакетника: «кошелек» был полон железных зубов, то есть весь утыкан железом! «Как склянки зазвенели!» – испуганно сказал Валька Ляма, круглоголовый, с большой фантазией мальчуган. (У него, например, ТАСС означало: ТАИНСТВЕННОЕ АГЕНТСТВО СОВЕТСКОГО СОЮЗА.) И действительно, железные зубы эти своим матово-синим цветом напоминали

какие-то склянки, наполненные жидкостью. Во время разговора они будто позванивали, плескались, и рот Гребнёва сразу становился мокрым. «Постучать бы по этим склянкам маленьким молоточком. Вот бы музыка была-а!» – мечтательно сказал Ляма.

Новый сосед сильно заикался. Слова вылетали изо рта его стаей голодных волков и беспощадно рвали друг у друга хвосты, а то и головы. Когда он волновался, понять, о чём он говорит, было трудно.

– ...ааша... ааш... оль... г-г-овори... вам... не ери-ите э-этот с-са-амо-а-ар!

Что это?! А это он говорил матери, сидящей на телеге и вцепившейся в зелёный от старости самовар:

– Мамаша, мамаша! Сколь вам говорил: не берите с собой этот самовар! – И вырывал несчастный самовар из крючковых рук старухи.

На новом месте прежде всего сосед сбил с крыши одичавшую скворечню. И установил... флюгер... А потом вообще повёл себя странно: ни он ни к кому, но уж и к нему чтобы никто! Бывало, в пылу отрыва от погони перемахнёт какой-нибудь оголец через штакетник в его двор – Гребнёв подзовет парнишку, молча возьмёт за ухо и выведет за ворота. И всё. И обидно, что возьмёт-то как-то не больно, но уж очень брезгливо. Руки ещё потом отряхивает. Вывел так человек трёх – и перестали ребятишки сигать в его двор.

Станным всё-таки этот дяденька Гребнёв-Склянки оказался...

Правда, потом к нему стала приходиться тётя Лиза, и он женился. Вернее, даже не женился сперва, а... как бы это сказать?... сначала тётя Лиза, его жена, ну как бы будущая ещё, приходила и уходила. Просто так. А потом... потом её долго не было, с полгода, наверное. А ещё потом она пришла к дому дяденьки Гребнёва, кричала матерно на всю улицу, а также била ему окна и совала туда спелёнатого Вадьку, а Вадька орал с угрозой и басом. Но дяденька Гребнёв молчал и где-то там внутри прятался. А дальше он женился на тётя Лизе. Свадьба была, и гости орали песни из раскрытых окон. Как бы во второй раз женился дяденька Гребнёв, получается. Но Вадька уже готовый был, и дяденьке Гребнёву хорошо.

– Л-лиза! Вот п-привёл!

Тётя Лиза улыбается и протягивает Пашке руку. Вроде как знакомится. Хотя и знает Пашку давно, но вот... знакомится как бы наново и уж больно с восторгом смотрит на него. Пашка даже обернулся. Но сзади дядя Гребнёв – тоже улыбается. Все улыбаются. Хорошо! Прошли в большую, светлую комнату. «Зало, – удовлетворённо отметил про себя Пашка. – Хорошо, уютно, чисто». Вокруг стола карапузит Вадька, накаченный, как резиновый слонёнок. Тётя Лиза берёт его на руки и встряхивает, дескать, во какие мы жирные! А сама в сравнении с Вадькой уж очень худа – вон как ключицы-то крылят, – страсть худа тётя Лиза.

– Ну так, дядя Гребнёв, давайте... посмотрим ружьё-то, – застенчиво почесывая затылок, сказал Пашка.

– А! – Гребнёв кинулся к комоду, выдвинул широкий ящик. Пашка принял на ладони ружьё в чехле. Будто пронюхивая его, пустил глазами от кожаного чулка – по брезенту – к застегному ремешку: ну что ж, чехол хорош! Пашка сел на стул, упёр чехол кожанкой в пол, начал расстегивать ремешок. Гребнёвы напряжённо застыли. Пашка вынул приклад, осмотрел: так, понятно, «тулочка», ТОЗ, видать, последний выпуск – потому что «бескурковка». Приклад хоть не ореховый, но берёза крепкая. Тыльник, правда, железкой простой подкован, не как у отца – богатой ребристой пластмассовой, но там-то «зауэр три кольца!» Однако приклад ничего – прикладистый. Пашка аккуратно отложил приклад, вынул из чехла стволы и резко вскинул. Гребнёвы отпрянули – стволы будто из глаз Пашкиных выскочили. Пашка видит на свет два плавных кольца, будто сизой дымкой спаянных. Неплохо! Смотрит по очереди сначала в один ствол, затем в другой – два сверлёно-убегающих зеркала. Отлично! Нажав у ствола торчковую кнопку, отделил цевьё. Тоже берёза, но насечка шершаво-чёткая, руке удобно. Доброе цевьё! Пашка отложил цевьё, взял приклад. Мягко вставил в пазы приклада стволы и с

нажатыми курками распрямил ружьё. (Пашка знает: курки взведутся, если на них не нажать при сборке ружья. А коль взведутся, значит, их надо спускать, то есть попусту, дураком, щёлкать, а без патронов в стволах курковые пружины слабнут, и будешь потом на охоте осечить.) Пашка приложил к стволам цевьё, щёлкнул – всё!.. Да! – ремень ещё на стволах застегнуть... Порядок! Пашка громко хлопнул по прикладу, вскочил со стула, ружье взлетело к плечу – он бьёт навскидку! Гребнёвы в стороны: опасно, однако!

– Ну что ж, дядя Гребнёв... Ружьё хорошее, можно сказать, отличное ружьё! – Пашка выкинул руку с ружьём к Гребнёву, мол, на, держи и радуйся!

Гребнёвы с облегчением засмеялись, а их Вадька заревел.

2

Пашка Калмыков – крепкий, лобастый подросток с широко расставленными карими глазами – в свои тринадцать лет охотником был уже признанным и известным. «Это Пашка-то Калмыков? Ивана-наборщика сын?.. Ну, этот охотник серьёзный», – говорили про него все немногочисленные охотники городка.

Пашка бил утку с подхода, скрадом, стоя на перелётах: встречу, в угон, боковых – крякву, чернеть, крохалей, шилохвость, свиязь, пулевых чирков. Раз гуся влёт свалил, и не «гусятником», а четвёртым номером дробы. Потому ударил с умом – в угон, под перо. Словом, пустым с охоты Пашка не приходил

Пашкиного отца демобилизовали после японской, осенью сорок пятого. Было тогда Пашке десять лет, но в ту же осень он начал таскаться за отцом на охоту. Без ружья сначала, однако уже через год, когда отец, назанимав кругом денег, купил-таки долгожданный «зауэр», Пашка получил от него не менее долгожданную «тулку»-одностволку. Старую, с чиненым ложем, но крепкого, кучного бою.

Охота в окрестностях городка в первые послевоенные годы была богатая. Птицы было много: и пролётной, и гнездящейся. С востока, раздвинув невысокие горы, могучий Иртыш вынес перед городком и дальше богатейшую пойму. Стоило выйти на окраину, переплыть паромом Иртыш, небольшую деревеньку миновать – и охотиться в полное свое удовольствие! Плавные протоки в зелёных коридорах тальника и раkitника; задумчивые старицы, по рыжей воде заросшие хвощом и кувшинками; затаившиеся в камышовых крепях маленькие озера и серебристая рябь озер побольше... И всё это полно утки.

Охотник Пашка был упорный, азартный, неутомимый. Бывало, полдня уж топчут с отцом злой августовский зной, всё пройдут: все протоки, все озера облазят, бочажинки сапогами прогребут – у отца пара-тройка уток висит, за Пашкой крякаш на удавке везётся. Отец остановится и скажет, тяжело хватая воздух: «Хватит, Пашка! Утка в крепях. Пушкой не поднять на крыло. Хватит! Домой!» Но глаза Пашки – глаза одержимого: из всех слов, сказанных отцом, в голове отпечаталось только одно – «в крепях»... В камышовых крепях – утка. Ага! – Пашка в крепях. Отец, чертыхаясь, за ним. Пашку не видеть, только высокие камыши змеями мечутся, будто «легаш» понизу добрый идёт. Вдруг пара крякашей испуганно из камышей вытряхивается. Пашка – будыхх! – срезал одного. Отец – пах! пах! – мимо. «Мазила!» – скажет Пашка, уцепит на удавку сбитого крякаша – и дальше. «Пашка, стой, погоди!» Какой там! Опять камыши змеями.

В конце концов, отец не выдерживал этого высунь-язык лазания и где-нибудь, ухнув следом за Пашкой в очередные камышовые заросли, вываливался к озерку, как подкошенный падал на прибрежную осоку и, повода накалёнными глазами, хрипел: «Всё, Пашка! Шабаш! Домой!» На что маленький Пашка, с длиннющей одностволкой качаясь рядом, выталкивал коротко: «Сейчас... заскочим на Лопатино... тогда уж домой... Вставай!» И тащил отца за собой, и они «заскакивали» на Лопатино.

Вместе с вечерними сумерками в створе калитки, как два привидения, возникали охотники. Они везлись через двор, растопыренно переставлялись по ступенькам крыльца, вваливались в дом. Тесная кухонька наполнялась запахами солнца, влажных камышей, утино пера и зноем опаленных лиц. Пашка, не раздеваясь и не ужиная, валился на свой топчан.

– А ружьё чистить кто? Эй, охотник! – тормошил его отец.

Мать зло обрывала отца и уже стаскивала с Пашки сапоги.

– Совсем заездил мальчишку со своей охотой!

– Кто заездил? Я?! – И отец как-то горько смеялся. Потом спрашивал про воду и, натываясь на ворчки жены, шёл к керосинке с парящей кастрюлей на ней. Наливал в таз воду,

наворачивал-наращивал звеньями шомпол и бурлил стволами в тазу – чистил их, промывал горячей водой. Разутые белые натруженные ноги отца ветвисто набухали венами. Потом отец с улыбкой смотрел на спящего Пашку, и казалось ему, крикни сейчас: «Пашка, крякаши!» – вскочит охотник и пошёл по камышам! Отец махал рукой и смеялся. «Эко его!» – дёргая перо, поглядывала на него мать. А отец уже задумался. Пашкин ствол отдыхает в тазу. Глаза отца будто журчат. Внезапно он густо всхрапывает. «И этот ухайдакался!» – отмечала мать.

Но наступала суббота.

Минут десять шестого с работы прилетал отец. Сразу за стол – хлебал лапшу с утятинной. Пашка уже одет, обут, сидит, как на вокзале – обложен вещмешками, обставлен ружьями.

Отец очень вежливо интересовался у матери, отпущено ли чего? В смысле продуктов. Картошечки там, огурчиков. Охота, она, конечно, сама себя кормит, но всё ж таки...

Переставляемые пустые кастрюли начинали гроыхать в углу кухни с нарастающей силой.

– А чего это ты?... – с деланным удивлением смотрел на мать отец.

– Хлебай, хлебай знай! Не подавись! А то вон охотничек-то твой, – мать кивала на Пашку, – час уже сидит, ровно кол заглотил.

Пашка смотрел на мать, но сдерживал себя. Внешне он спокоен, но в душе буря: «Да ешь ты скорей! – мысленно молил он отца. – Положила, всё положила! И картошки, и огурцов. Чего с ней разговаривать? Без толку! На вечернюю зорьку опаздываем!»

А отец ещё ложку откладывал и вроде как обижался:

– Ну уж это ты, Маня, зря-я. Мы к тебе по-хорошему, а ты к нам...

Да господи, скорей бы с глаз! Кастрюли уже не разбирали: кто прав, кто виноват – лупцевали друг дружку. Мане, как всякой порядочной жене, полагалось ревновать своего мужа Ваню. Ну уж если не к кому-нибудь, то хотя бы к чему-нибудь, на худой конец! Так ведь он, забубённая головушка, и Пашке мозги сдвинул. Вот в чём дело! И Маня, полыхая справедливым гневом, кричала:

– Мальчишка всю одежду изодрал! Кирзачи весной взяли, а на что похожи? В чём в школу пойдёт? А они, два легаша, шастают по кустам да болотам! Одни ремки уже на мальчишке, дранье, а они шастают! Сентябрь на носу – двойки посыплются, мешок готовь, а они шастают, они-и шастают!

Бодро вздрагивая от криков, отец как бы резонным козырем бил – что уж лучше в ремках, зато сытым! Время-то ещё какое... А насчет школы... Так подтянется Пашка. Пашка, а? Подтянешься?

– Подтяну-усь, – тоскливо тянул Пашка, глядя на потолок.

– Вот! – показывал на него отец, как на законченного отличника.

Мать опала на табуретку, беспомощно кидала руки книзу.

– Как вывернулись-то! Как ловко! И не стыдно?... Пользуются этим... как его?... продовольственным положением семьи... и шастают... – не совсем уверенно закончила.

Охотники вытаращились на неё. Придя в себя, отец сказал:

– Эко тебя куда! «Продовольственное положение»... Ты б в редакции-то не газетки почиtywала, а веничком, веничком побольше махала.

– А ты сидишь в своей типографии и не видишь ни черта! «Газеты!» Ты вон в магазин сходи. На базар. Вот тебе и газета будет. Живая!

– Так для того и ходим на охоту! – смеялся отец. – Для продовольственного положения. Верно, Пашка?

– Это уж точно – для него, – подтверждал Пашка. – Гы-гы...

– А ну вас!

А на третий год, когда отец бывал занят на работе, Пашка и один уже ходил на охоту. Вязались, правда, сперва за ним его друзья – Генка Махра и Валька Ляма, но получалась не охота – одно баловство. Пашка протащил дружков раза два по крепям – ни Махра, ни Ляма на охоту больше не просились.

3

После осмотра и положительной, высокой оценки ружья Гребнёва Пашку усадили за стол – и ну угощать! И пироги тебе с капустой, и с картошкой, с мясом даже один, и чай из самовара с сахаром вприкуску! «Однако живут», – подумал Пашка. Он сначала поломался для порядку, потом навалился. Да-а, из такой муки пирогов Пашка не едал никогда. «На хлебозаводе, поди, дают Гребнёву такую муку», – думал Пашка, уминая пирог с капустой.

Разговор поначалу шёл об охоте: о сроках её, об охотсоюзе, о членских взносах, про добычливые места, которые знал Пашка, про припасы и снаряжение, какое надобно срочно купить Гребнёву к ружью, потом как-то незаметно перескочили на Пашкиных родителей.

Гребнёв, узнав, что отец Пашки в типографии работает простым наборщиком, очень удивился:

– Так партийный ведь он!.. К-как же тогда?..

– А нравится ему это дело. – Пашка рубал уже пирог с мясом. Отпил из стакана чаю.

С другого боку к Пашке подступала тётя Лиза:

– А этот, другой... ну к вам ходит который – дружок его...

– А, дядя Гоша?.. Мировой мужик. Не охотник, правда...

– А он, он где работает?

– Над отцом – в редакции. Он корректор.

– Кто-кто? – наморщила лобик тётя Лиза.

– Корректор. Газеты читает. Через него они проходят.

Гребнёвы переглянулись.

– А он партийный?

– Кто? – продолжал есть пирог Пашка.

– Ну читает, читает который?..

– А, дядя Гоша? Да-а, он раньше отца ещё. Отец с двадцатого, а дядя Гоша аж с четырнадцатого года в партии. Он старше отца, вот и раньше. Он и в тюрьме сидел.

– К-как в тюрьме?! – испугался Гребнёв.

Пашка объяснил, что до революции ещё. На каторге. Потом освободили. Мировой мужик дядя Гоша!

Гребнёвы застыли. Пашка ел.

Вдруг тонюсенько засмеялся Гребнёв. С застывшими, как у сумасшедшего, глазами.

– П-партийный, на каторге был, а сын-то его, хи-хи-хи... Вчера иду... хи-хи-хи...

Мгновенно, локтем под бок оборвала его жена и пошла подсовывать нахмурившемуся Пашке пироги, приторно масля их словами, что вот теперь-то и будут они вместе на охоту ходить, и как славно-то это будет, как хорошо! Правда, Паша?

– Так сказал же я дяде Гребнёву...

Гребнев торчал семафором и будто отсутствовал.

– Его Васей зовут, дядей Васей, – сказала про него жена, как про глухонемого. Гребнёв, выходя из оцепенения, подтвердил:

– Вася я. Дядя В-вася, – и, оживившись, хлопнул Пашку по плечу: – Походим н-на охоту, а? Пашка? – и засмеялся.

– Ещё как походим, дядя Вася! – засмеялся Пашка в ответ.

Тётя Лиза схватила Пашкин стакан и с облечением пустила в него струю из самовара.

А через два дня Пашка уже учил Гребнёва заряжать патроны: «...э-э! Постой! Это откуда папироска в зубах? Да ещё дымит?.. Вы в уме?.. Порох, понимаете, по-рох! У вас под носом!

Тётя Лиза, заберите у него все папироски! И спички, и спички! Это же первейшая заповедь ружейного охотника: сел снаряжать припас – курить ни в жизнь! А вы?..»

Гребнёв виновато покашливал.

4

Почти каждый вечер после школы Пашка стал торчать у Гребнёвых: то ружьё с дядей Васей разбирает, смазывает, снова собирает, то заряжают вместе патроны – папковые прогоняют через калибровку, латунные заливают стеарином, то Пашка читает охотничью литературу, или просто сидят у самовара, ведут неторопливую мужскую беседу. Друзьями стали Пашка и дядя Вася – не разлей вода!

Теперь каждый приход Пашки к Гребнёвым представлял собой небольшое событие: поспешно сдёргивала со стульев Вадькины ползунки тётя Лиза, будто это бог весть что и может оскорбить Пашино зрение; вскакивала и скрывалась в кухне старуха, дядя Вася улыбался и дёргал себя за ухо; ну а сам гость переминался с ноги на ногу и как бы всем видом своим говорил: ну уж это вы зря-я. Это просто ни к чему. Зачем хлопоты?.. – но ему было приятно, что его так встречают.

Вот тебе и Гребнёв, вот тебе и Склянки! Мировой мужик оказался дядя Вася! И ведь всегда так: не знаешь близко человека – и чёрт-те что о нём думаешь и говоришь. А познакомишься поближе – и пожалуйста – не перестаешь удивляться: простой, весёлый, насчёт охоты бестолковый, правда, но зато поговорить – о чём угодно, рассказать – чего хочешь, да и не жадный: вон пироги выставляет каждый раз, опять же чай с сахаром вприкуску. Мировой мужик!

Были, правда, у дяди Васи некоторые... ну странности, что ли. Но это – на чей взгляд. Вдруг ни с того ни с сего прямо посреди разговора застопорится как-то, глаза как жидкое олово сделаются, – и сидит, не шелохнётся. И минуты две так. Пашка рот раскроет. А тётя Лиза смотрит на Пашку и будто говорит ему: вот всегда думает Вася так – как болеет, – и чего делать с мужиком, не знаю... Как на врача, на Пашку смотрит. По-щенячьи. Дескать, помоги, Паша...

А бывало, и оба смотрели на Пашку щенками, будто ждали чего-то от него, а чего, Пашка никак не мог понять и чувствовал себя в такие минуты дураком – краснел, отводил глаза, дыхание запирало у него в груди. Точно он чего-то когда-то наобещал им, и не то что даже не выполнил обещанное, а вообще забыл, что именно обещал, а люди вот стесняются напомнить ему об этом и терпеливо ждут, когда он сам вспомнит. И совестно было чего-то Пашке, а чего – он и сам не знал. Однако так смотрели они на него редко. Обычно дядя Вася застывал, а смотрела тётя Лиза. Одна. А это ещё терпимо. Не то что, когда оба. Враз.

Из ступора своего выходил дядя Вася всегда одинаково – как оживет, как проснётся. И хлопнет Пашку по плечу: «Походим н-на охоту, Пашка?» – и рассмеётся. «Ещё как походим, дядя Вася!» – испуганно смеялся в ответ Пашка.

«Не-ет, странный Гребнёв-Склянки, странный! – думал в такие минуты Пашка. – Но хотя взять ту же Полину Романовну, Юрину мачеху, или отца его – тоже с приветом. Да не с малым. Вообще взрослые... бывает у них», – тут же успокаивал он себя.

И ещё одного никак не мог понять Пашка в дяде Васе – почему тот своего полуторагодовалого сына всегда называл Вадимом?.. Не Вадиком, не Вадькой, а только Вадимом? Забегают глаза, птички на ресницах затрепещут, и скажет: «В-вадим!» Мрачная старуха и та, как в хорошем настроении, так и щебечет тоненько: «Ведим! Ведим!» А? Почему они так его?.. Видать, для очень гордой жизни готовили. Не иначе.

А Вадим увидит Пашку – как на стену наткнётся. И давай «обходить». «Вадик! Вадик!» – заиграет пальцами, поманит его Пашка. Какой там! Вадим поспешно карапузит под стол, присядет там будто на горшок и выглядывает. А Пашку дети малые любили, всегда шли к нему на руки, и он тетёшкал их. «Пугливый больно Вадим», – думал Пашка. Однако ревел Вадим храбро – с открытыми глазами и басом. Гордо ревел Вадим!

Тётя Лиза не стеснялась Пашки и при нём кормила грудью сыночка. Достанет откуда-то из-под мышки длинную, «козью» грудь, орущий Вадим вцепится – и затих. Час говорят

Пашка и дядя Вася, другой, тётя Лиза, бедная, дремлет от усталости, со стула вот-вот упадёт, а Вадим накачивается, Вадим сосёт. Выдернет, наконец, тетя Лиза грудь – «А-а!» – сразу густо вдаряет Вадим. Тётя Лиза хватается со стола соску, облизнула, бац! – заткнула Вадима. Вадим захлопает, захлопает глазами, задёргает зверски соску, тут же раскрывает коварнейший обман – и стреляет соской в потолок: «Ы-а-а-а!» – ещё пуще разорвётся. «Д-на, д-на!» – сунет ему грудь тётя Лиза. Вадим хват! – и ну тянуть, ну чмокать, и глазки забежали сторожко: никому не дам! Не подходи!

Сама тётя Лиза казалась Пашке очень уж нервной. И даже не нервной, а какой-то... бес-толково возбуждённой, что ли. Всё время носится. То из комнаты в кухню, то обратно, в сени бежит, летит в сарай, на огород зачем-то, потом в уборную, опять в дом, в кухню, снова в сени, в кладовку... Уследить за ней было трудно. Как самолёт летала тётя Лиза. Но всё как-то не по уму. Всегда у нее убегает, подгорает, дымит; всё она что-то разыскивает: сунула куда-то горшок, а куда – чёрт его знает, а Вадим вон кряхтит уже! И бежать, и полетела!

Первое время гость, да и сам хозяин, сидя за столом очень прямо, настороженно-удивлённо вертели головами, пытаясь уследить за летающей хозяйкой. Хотя, казалось, дяде Васе-то чему тут удивляться? Вроде б и попривыкнуть должен давно. Но такова уж сила свежего Пашкиного глаза была, что невольно и дядя Вася взглянул на свою тётю Лизу этим Пашкиным глазом и, прямо надо сказать, сильно удивился: и чего, спрашивается, бегаешь? Мешает только обстоятельному мужскому разговору!

На голове тётя Лиза носила странные трубчато-дырчатые железки беловатого цвета. Они какими-то организованными, безжалостными паразитами втягивали её шелковисто-жёлтые волосы внутрь себя. «Как лебёдки тянут!» – думал Пашка. А Валька Ляма, как увидел тётю Лизу во дворе в этих железках, сразу сказал: «Бар-ранина!» Так и сказал: «Натуральная бар-ранина!» Ну да Ляма скажет, у него не заржавеет. Насчет бар-ранины – это ещё поспорить, а вот что лебёдки – это уж точно! – думал Пашка.

– Нравится? – спросила у него тётя Лиза, когда он первый раз увидел на ней эти железки и разинул рот. – Вон, Васенька ублажил. Ни у кого в улице нет, только у меня – вот! Из Алма-Аты привёз, как машину перегоняли. Полную коробку. И коробка – вот.

Коробку Пашка подхватил, как бомбу. Ну всё верно – коробка. Картонная. Тяжёлая. Всё законно. Вот и надпись: «Дамские бигуди...» Или «бигуди»?

– Бигуди, бигуди! Причёска, причёска такая. Фасон. Вот же у меня – бигуди! – Тётя Лиза озорно потрянула головой – «бигуди» затрещали.

Бигуди... Ишь ты! Словно для бега. Чтоб быстрее, значит. Для тети Лизы в самый раз. Раньше всё бумажки были, завязки там, веревки всякие, а теперь металл. Ну как же, инженера – думают. Пашка полез внутрь коробки. Так. Инструкция. Вот она – тётенька на фото: прицепляет бигуди себе на голову. Видать, трудно прицеплять их – вон как тётеньку всю перекосило. Вот опять она. Прицепила бигуди и стоит-улыбается: делайте как я, и вам будет очень хорошо, как бы говорит... Ну что ж, бывает. Вон тоже, бывало, наденешь сапоги, отцовы, болотные – и сразу человек. Бывает, как же...

А тётя Лиза всё мордочкой стреляла. Как белка. То на счастливую тётку, то на Пашку, то на тётку, то на Пашку: ну как? как? здорово? здорово? – и на Пашкино невнятно промямлен-ное, неуверенное удовлетворенно выхватывала коробку: то-то!

И это красиво? А? Дядя Вася?.. Дядя Вася философски развёл руками: женщины, неразгаданная тайна пока что.

И когда бы ни пришёл к Гребнёвым Пашка, на голове у тети Лизы сидели эти самые «бигуди». А когда она начинала по привычке суматошно бегать, пролетая то со стреляющей паром кастрюлей, то с придушенным детским горшком, то с голозадным Вадимом, который летел сбоку, руля спущенными штанишками – эти чертовы «бигуди» накалённо трещали, щёлкали, словно возмущались таким беспокойным характером тети Лизы.

5

– К тебе Юра приходил, – сказала Пашке мать, когда тот, как обычно, поздним вечером заявился домой от Гребнёвых.

– Приказ, что ли? – Пашка вытаскивал из сумки тетрадки и учебники и раскладывал их на столе. – Чего ему?

Мать укоризненно покачала головой.

– Эх ты... «Приказ»... Лучшего друга своего забыл с этим... Гребнёвым! – Мать гладила бельё. Угли были плохо пережжены, и тяжёлый, как ледокол, утюг, потрескивая, плавал в сухом едком чаду. Мать отворачивала в сторону лицо, глаза её слезились. – Парнишка пришёл, весь вечер прождал... А этот! – зло глянула она на сына. – Забыл? О чём с ним договаривались? – и, видя, что Пашка растерянно остолбенел, не вспомнив, подвела совсем уж злую черту: – Забыл! Зато пироги жрать не забываешь у этих... у этих...

Пашка вспомнил. Покраснел. Но скулёжно вскрикнул:

– Да какие пироги! Один раз сказал, теперь...

– Утюг вытряхни, лодырь чёртов! Расселся тут!.. Тетрадки ещё разложил как путёвый. Двоечник несчастный!

Пашка схватил утюг, заорал:

– Да куда не денется Юра твой! – Кинулся во двор. На душе стало муторно, нехорошо.

До прошлого года Юра жил в соседнем одноэтажном деревянном доме. И двор даже общий был у них с Пашкой. Только в Пашкином коммунальном доме людей, как сельдей, и все хозяева, все квартиросъемщики, с вытекающими из этого правами и последствиями. В соседнем же – только четыре квартиры, и каждая со своим крыльцом и входом. Вот в одну из них и въехали позапрошлой осенью Колобовы.

Юрин отец, Сергей Илларионович, работал в редакции городской газеты – там же, где и отец Пашки. Только Пашкин отец находился в полуподвале – в типографии, а Сергей Илларионович на втором этаже – в редакции. Он был на должности редактора сельхозотдела.

В первый же по приезду день Юра подошёл к Пашке и вежливо спросил:

– Мальчик, можно я посмотрю, как ты кормишь голубей?

– Ххы! – смутился Пашка. – Смотри, жалко, что ли... – и независимо цырганул слюной сквозь зубы.

Ребята постояли напряженно рядом, глядя на бегающих у крыльца голубей, потом Юра сказал:

– Спасибо, мальчик! – и пошёл к своему дому.

Пашка раззявился вслед: ххы! Вот это экземпляр! «Мальчик»... Ххы! И откуда взялся?

На другой день Юра сидел на ступеньках своего крыльца и, подперев голову худыми руками, с восхищением смотрел на Пашку, размахивающего на крыше длинным шестом с пугающими тряпками и верёвками на конце. Пашка дико, по-разбойничьи свистел. Голубей было много, они радостно трепыхались над крышей. А Пашка со своим шестом будто раскручивал, разматывал их кругами вверх. Голуби набирали высоту, и ребята заворожённо следили за их трепетными, радостными кругами. Казалось, что это мальчишечьи души, выпущенные на волю, трепещут пестрыми ресничками в густо-синем прохладном небе. И всё выше, выше – к осеннему задумчивому солнцу, к ласково-грустной улыбке его.

Когда Пашка спустился по лестнице с крыши, а вся стая привычно голодно бегала у крыльца, Юра, снова спросив разрешения, встал рядом с ним.

– Да что ты все: мальчик, мальчик!.. Паха я! – с досадой представился Пашка.

– А меня Юрой зовут, – быстро взглянул Юра на насупленного Пашку, но всё же вежливо добавил: – Очень приятно было познакомиться.

Через неделю Юрин отец, прервав восторженный рассказ сына о Пашке и его голубях, сказал, задумчиво помешивая чай ложечкой:

– Приведи-ка этого голубятника – посмотрю я, что это за Паша...

И на другой день Пашка пил у Колобовых чай с вишнёвым вареньем.

Сергей Илларионович, по всему виду, корчил из себя интеллигента: дома носил двубортную тужурку, подпоясанную плетеным шнуром с кистями, чай пил только с подстаканником и жене говорил «дорогая». Но Пашку разве возьмешь на понт? Пашку разве околпачишь? Он-то сразу раскусил этого «интеллигента». Вон на руках-то чего...

А руки у Сергея Илларионовича и впрямь были хороши: на одной возле большого пальца якорь повис, канатами задавленный; на тыльняке в полкаравая солнце лучами синюшными стреляет; а на другой руке вообще целый погост крестами заваливается. Будто по весне. И вороны тощие над ним летают, как положено. И тут же на костяшках пальцев буквы: С Е Р Я... Что за Серя такой? Серёжа, что ли? Ну да, понятно – пальцев не хватило, потому и Серя. Вот тебе и Серя-интеллигент! Только не хватает «татуировочки» – что под ногтями бывает. Ногти чисто содержит. А жаль: неполная картина получается.

И всё выспрашивает у Пашки, всё выведывает: что он и как он, да кто у него родители, да в школе как учится, и товарищи кто, и о каждом чтоб с подробностями, чтоб до косточек, до потрохов. Да Пашку на мякине не проведёшь, Пашка знает, куда клонит этот интеллигент. Ясное дело – за Юру беспокоится. Сам-то, поди, знает, как это бывает. С такой татуировочкой-то? Ого-го! Огни и воды да медные трубы в детстве и юности прошёл! Наверняка! А сам всё как в театре: «Благодарю тебя, дорогая...», «сахару вполне достаточно, дорогая...» Э-э, интеллигент... Кого надуть-то захотел – это Паху-то?

– Паша, отчего ты не пьёшь чай? – спросила Юрина мачеха.

– Я пью, пью! Спасибо! – Пашка поспешно хлебнул чаю.

Полина Романовна... Тоже цаца! Вон как мизинец оттопырила. По-интеллигентному чай пьёт. Туда же!.. А палец-то как сосиска, да ещё колечком перетянут с узелком бирюзовым. Однако жирна Полина Романовна, ох жирна! И такая вот... тётя говорит Юре по утрам: «Юра, вынеси, пожалуйста, мой горшок!» По-интеллигентному как бы говорит, культурно... А?! И Юра, дурак, прёт. А горшок-то весь цветочками разрисованный... Тьфу! Краха, кха, кха! – Пашка подавился.

Полина Романовна похлопала его по спине и поинтересовалась:

– Ты что, Паша, чаем подавился?

– Ничего, ничего, не беспокойтесь!.. Кхэ!.. – прокашлялся Пашка. Спрашивает ещё. Будто не видит. Человеку чай даже в глотку нейдет! Кха!

Как выяснил Пашка, все вещи и обстановка в квартире Колобовых были немецкими. То есть все до единой из Германии. Начиная от кручёной ложечки в руке Сергея Илларионовича и кончая раскорячившимся пианино у стены. Шкаф с зеркалом, диван, столик гнутый с патефоном на нём, большой круглый стол с длинной махровой скатертью, за которым сидели Пашка, Юра и остальные, красивый абажур на проводе, тут же зачем-то развесилась гроздьями недействующая люстра, ковры на стенах и полу, тяжёлые шторы по окнам, две диковинные кровати, выглядывающие из спальни в шёлковых стёганных одеялах розового цвета, голая тётка, развалившаяся в золочёной раме на стене... ну всё, всё немецкое!.. Горшок Полины Романовны с цветочками – и тот, гад, фашистский! «Вот нахапал так нахапал!» – дивился Пашка, отпивая чай.

– Юра, покажи Паше готическую картинку, которую я тебе подарил, – самодовольно сказал Сергей Илларионович и, пока Юра бегал в соседнюю комнату за картинкой, добавил чётко, как чистокровный немец: – Это очень смешная готическая картинка, Паша!

На «готической» был изображён маленький, как игрушечный, немецкий городок с домиками в покато́й черепице, с островерхими кирхами и небывало синим небом над ними. Над городком по воздуху пролетал воздушный шар. В бельевой корзине шара испуганно метались астронавты. По всему видать, они хотели сделать в этом городке небольшую остановку для отдыха и подкрепления, кинули вниз на верёвке якорь, но зацепились за уборную. Уборную сдёрнуло с земли, подняло, и она летит над городком вместе с шаром – дверь болтается на одной петле. А внутри удивлённо раскинулся очень усатый дядька со спущенными штанами, и изо рта у него облачком выкурились какие-то немецкие слова.

– А чего он говорит? – ошарашенно спросил Пашка.

Сергей Илларионович, как зануда учитель в классе, начал монотонно переводить: «Я маленький... я лечу... караул!.. ура!.. помогите!.. я лечу...» – И опять отчеканил:

– Это очень смешная картинка, Паша!

«Вот это готический! – вытаращился на Колобова Пашка и косточки три вишнёвые проглотил, которые до этого катал во рту и не знал куда деть. – Ну и ну-у! Вот достался Юре папаша! Монокль бы ещё вставить, гаду, в глаз – и фриц натуральный. Не отыскал, видать, в Германии монокля-то – повыбили их там наши фрицам. И потому очки носит. А тоже: сам конопатый – и очки... Как корове седло! Вот чего барахло-то немецкое сделало с человеком. Вон, вон, бумажки какие-то выкладывает на стол. Из аккуратной пачки. Мягкие. Как промокашки. На кой чёрт только они? А, губы вытирает. Понятно. Гигиена. Культурный, гад!»

Больше домой к Колобовым Пашка не ходил. Но с Юрой подружился. И крепко. Видно, Пашка чем-то всё-таки понравился Сергею Илларионовичу, и тот разрешил Юре эту дружбу. Однако когда Сергей Илларионович шёл и видел Юру во дворе или на улице в окружении «дружков», то, проходя мимо, приказывал коротко: «Юра, домой!» И Юра плёлся за ним.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.